

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.4

EDN: ACEDYA

«Партизанщина» на позднесоветском заводе через призму драматической социологии Андрея Алексева¹

Ссылка для цитирования:

Пинчук О. В. «Партизанщина» на позднесоветском заводе через призму драматической социологии
Андрея Алексева // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 3. С. 78–97.
DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.4>. EDN: ACEDYA

For citation:

Pinchuk O.V. (2022) "Partisanship" at the Late Soviet Factory through the Prism of Andrey Alekseev's
Dramatic Sociology. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 14. No. 3. P. 78–97. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.4>

Пинчук Ольга Владимировна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: opinchuk@hse.ru

В статье предпринимается попытка анализа неформальных практик на позднесоветском заводе через призму заводского этнографического проекта советского социолога Андрея Алексева, который в 1980-х годах работал в цехе завода «Ленполиграфмаш». С опорой на опубликованные в результате исследовательского проекта материалы поднимается ряд вопросов: чем примечателен опыт социолога Андрея Алексева и как исследование методом включенного наблюдения помогает изучать организацию труда на советском заводе? Можно ли говорить, что неформальные практики в труде рабочих были направлены только на «ускользание» от контроля заводской администрации, а автономия на рабочем месте служила исключительно удовлетворению личных потребностей? В фокусе статьи — неформальная практика, которую

¹ Статья подготовлена в рамках аспирантского проекта «Организация рабочего времени на промышленных предприятиях Ленинграда в 1980-е гг.» под научным руководством Николая Ссорина-Чайкова в Департаменте истории НИУ ВШЭ (СПб); проект поддержан в 2020 году РФФИ (№ 20-39-90029) в рамках конкурса среди аспирантов на лучшие проекты фундаментальных научных исследований.

рабочие цеха называли «партизанщиной» — неофициальное производство деталей, используемых в дальнейшем не для личных целей, а для нужд производства. Утверждается, что, во-первых, вопреки убеждению исследователей советского труда, возможность рабочих действовать за пределами поля зрения администрации могла быть направлена не только на отлынивание и уклонение от работы, но и на выстраивание новых способов организации труда, направленных в том числе на управление плановыми коллективными обязательствами; во-вторых, сам исследовательский проект Алексева становится «партизанским», поскольку, с одной стороны, позволил исследовать и детально запечатлеть неформальную жизнь цеха советского предприятия 1980-х годов, с другой — стал альтернативным способом исследования советского общества, методологической и эмпирической инициативой, изобретением и вкладом в историю советской заводской социологии.

Ключевые слова: советский труд; заводская этнография; советская социология; организация труда; включенное наблюдение

Благодарности:

Мне хотелось бы выразить благодарность Николаю Ссорину-Чайкову (НИУ ВШЭ), Олегу Журавлеву (PS Lab), Дарье Лупенко (PS Lab), Виолетте Александровой (PS Lab), Елене Кочетковой (НИУ ВШЭ), Татьяне Борисовой (НИУ ВШЭ), Алексею Бойко (НИУ ВШЭ), Евгении Платоновой (НИУ ВШЭ), а также Анне Комаровой за внимательное прочтение статьи, ценные советы и комментарии. Отдельная благодарность Ирине Тартаковской за идею тематического номера и за приглашение к участию.

Неформальные практики на заводе и в академии

Данная статья посвящена двум сюжетам: во-первых, уникальному и единственному в своем роде опыту этнографического изучения труда советским социологом¹, во-вторых, особенностям организации труда на промышленном производстве в начале 1980-х годов с акцентом на неформальные практики цеховых рабочих.

Социолог Андрей Николаевич Алексеев, будучи кандидатом философских наук, старшим научным сотрудником Института социально-экономических проблем Академии наук СССР (ИСЭП АН), в 1980-х годах в течение восьми лет трудился на рабочей специальности на промышленном предприятии Ленинграда, первые два года сохраняя совместительство с институтом. Все

¹ Под «этнографическим изучением труда» я подразумеваю методологические особенности исследовательской работы, сформировавшиеся в дисциплинарных рамках социальной и культурной антропологии. Подробнее об этнографии труда, особенностях и генезисе подхода в отечественной социальной науке см. [Пинчук, 2021].

восемь лет исследователь фиксировал происходящее с ним на заводе и периодически делился заметками и размышлениями с коллегами-социологами. В результате этой работы был издан четырехтомник «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия», а также было написано множество академических и публицистических статей.

Метод включенного наблюдения был маргинальным для советской заводской социологии [Пинчук, 2021: 117–120]. Андрей Алексеев единственный из советских социологов не просто работал на заводе, но вел полевые дневники, обменивался наблюдениями с коллегами и опубликовал на основе этой работы тексты. Такая исследовательская инициатива выходила за рамки формальной академической работы. Благодаря продолжительной и включенной работе социолога на промышленном предприятии появилась возможность посмотреть на позднесоветский труд изнутри, в том числе изучить неформальную часть цеховой жизни.

В данном тексте я обращаюсь к случаю неформальной практики, описанному Алексеевым как «партизанщина». В литературе, посвященной изучению позднесоветского труда, не так часто встречается анализ неформальных практик в цехе. Из наиболее известных — использование ресурсов предприятия для личных целей работников. «Партизанщиной» рабочие на советском предприятии могли называть разнообразные практики, в том числе и такие, где речь шла целиком и полностью о личной выгоде. Однако на основе наблюдений Алексеева в данной статье рассматривается пример «партизанщины» другого рода, когда рабочие неофициально производили детали не для того, чтобы унести их с собой на продажу, и не для личного пользования, но с целью выполнить план. Инициатором такой «партизанщины» был сам социолог: он придумал и предложил штамповать неофициальные детали на своем прессе.

Я рассматриваю неформальные практики в цехе как нарушения формальной трудовой дисциплины, в этой связи «партизанщина» представляет собой, с одной стороны, нарушение, но с другой — «ускользание» от контроля администрации и проявление автономии на рабочем месте. Однако этот пример демонстрирует, что «ускользание» от контроля может быть не самоцелью, а скорее средством для достижения одновременно личных и коллективных целей.

Рубеж 1981–1982 гг. стал некоторым водоразделом в заводской работе Андрея Алексеева: во-первых, закончилось его совместительство в ИСЭП АН, и он стал полноценным рабочим завода «Ленполиграфмаш»; во-вторых, в первой половине 1982 года он сдал экзамен на слесарский разряд и перешел на сдельную оплату труда — в бригаду; в-третьих, и это уже касается не только работы Алексеева, — в этот период происходили существенные изменения в советской экономике и политике. В ноябре 1981 года умер генеральный секретарь СССР Л.И. Брежнев, закончилась так называемая эпоха застоя¹.

¹ Как справедливо отмечает Алексей Юрчак, термин «застой» был введен уже после брежневской эпохи и не совсем точен: «Он, безусловно, описывает один из аспектов позднесоветского ощущения времени — его кажущееся замедление. Однако этот термин скрывает другую, не менее важную особенность — ощущение бесконечности системы, невозможности представить, что она может вдруг исчезнуть» [Юрчак, 2020: 95].

Место генерального секретаря ЦК КПСС (меньше чем на два года) занял Юрий Андропов и начал проводить, кроме прочего, политику интенсификации труда и укрепления трудовой дисциплины¹ [Yanowitch, 1985: 4; Соколов, 2010].

Таким образом, нижней временной границей исследования становится начало 1980 года, когда Андрей Алексеев поступил на завод «Ленполиграфмаш» в качестве наладчика, верхней — начало 1982 года, когда он перешел из повременщиков в сдельщики.

В статье я стремлюсь последовательно ответить на несколько вопросов: чем примечателен опыт социолога Андрея Алексеева? Как исследование методом включенного наблюдения помогает изучать организацию труда на советском заводе? Можно ли говорить, что неформальные практики в труде рабочих были направлены только на «ускользание» от контроля заводской администрации, а автономия на рабочем месте служила исключительно удовлетворению личных потребностей?

«Эксперимент социолога-рабочего»: драматическая социология

Социолог Андрей Николаевич Алексеев оказался на заводе, по его словам, по причине «кризиса профессиональной идентичности», в порядке «самоиспытания», одновременно движимый идеей предпринять исследование «производственной жизни “изнутри” глазами рабочего» [Алексеев, 1997: 62]. В интервью Борису Докторову в 2006 году А. Н. Алексеев признался, что его уход на завод изначально не предполагался как исследовательский проект, такое качество он обрел уже впоследствии:

«Ядов предложил мне в 1980 г., коль скоро так уж круто я нацелился в рабочие, совместительствовать в ИСЭПе. Согласившись (не без материального интереса...), я “обрек” себя на продолжение социологической карьеры в новом качестве. К тому же совмещение столь разных “ипостасей” в одном лице щекотало самолюбие»² [Алексеев, 2012: 291].

На протяжении всей своей работы на заводе социолог вел записи («протоколы жизни»), которые по форме сопоставимы с этнографическими полевыми

¹ Как отмечает А. К. Соколов, в 1982–1983 годах на промышленных предприятиях и в стране в целом стали применяться «более строгие меры материального и дисциплинарного воздействия» вследствие принятого постановления ЦК, СМ и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве», дополненного указом Президиума Верховного Совета от 12 августа 1983 г. об укреплении дисциплины на производстве [Соколов, 2010: 120].

² В контексте некоторой симметричности практики производства неформальных деталей на предприятии, инициатором которой стал Алексеев, и самого исследовательского проекта социолога данная цитата кажется особенно важной: Алексеев уточняет, что согласился на совместительство «не без материального интереса». «Партизанщина» в данном случае также не лишена материального интереса рабочих. Однако, несмотря на это, данная практика, как и проект Алексеева, направлена не только на достижение личных целей.

дневниками, заполняемыми в классических полевых исследованиях в рамках социальной и культурной антропологии¹. Жанр исследовательского проекта во многом напоминает классическую «этнографию труда», когда исследователь, чаще социальный антрополог, дабы изучить особенности труда и жизни представителей различных социальных групп, например, промышленных рабочих, сам становится рабочим [Smith, 2001]. Однако итоговую работу — четырехтомник *«Драматическая социология и социологическая ауторефлексия»*², — вряд ли можно назвать академической монографией: она представляет собой вкрапления аналитических размышлений автора (это обнаруживается даже в структуре рукописи) в большой массив полевых материалов, а именно дневниковых записей и писем о работе на заводе близким друзьям и коллегам. Важное отличие этих опубликованных текстов Андрея Алексеева от многих социологических и антропологических работ, выполненных по результатам длительных этнографических исследований, заключается в том, что множество полевых заметок передано без редакции и изменений. Это весьма необычно, поскольку полевые дневники чаще всего содержат множество деталей и нюансов, понятных либо только самому автору, либо тем, кого можно назвать его/ее информантами — в данном случае рабочим «Ленполиграфмаша». Такой способ представления своей исследовательской работы крайне осложняет процесс чтения — в ней сложно разобраться, будучи аутсайдером³, но одновременно делает ее ценным историческим источником. Все полевые записи делались Алексеевым непосредственно во время описываемых событий, самые ранние из них датируются январем 1980 года. Письма близким коллегам содержат этнографические описания заводской повседневности, иногда охватывая при этом довольно продолжительный временной промежуток. Дневниковые записи в рукописи представлены достаточно объемно, что позволяет читателю иметь дело не (столько) с интерпретациями и анализом автора, а с подробными описаниями его бытования на рабочем месте. Такой выбор

¹ Про полевые дневники как жанр и практику см., напр.: [Максимова, 2012].

² В действительности текстов вокруг заводского исследования Алексеева куда больше, хотя и четыре изданных тома сами по себе содержательно довольно насыщены и охватывают широкий промежуток времени. В дополнение к изданным томам выходили электронные издания «неопубликованных глав», а также большое количество интервью и текстов, уже позже опубликованных исследователем и его коллегами в различных, в основном электронных, изданиях, в том числе на сайте Cogita.ru. Кроме того, стоит заметить, что название работы тоже менялось: изначальная рукопись имела название «Познание через действие», ранние издания назывались «Драматическая социология: эксперимент социолога-рабочего», последующие — «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия».

³ Бруно Латур в работе «Лабораторная жизнь», анализируя позицию наблюдателя, изучающего методом включенного наблюдения работу ученых в лаборатории, обращал внимание на то, что быть «абсолютным аутсайдером» невозможно — антропологу в поле всегда помогает понять контекст культурная включенность в схожие социальные отношения (даже если наблюдатель по отношению к наблюдаемым имеет ярко выраженные профессиональные, социальные или какие-либо еще отличия). Но в ситуации с материалами Алексеева, представляющими историческую перспективу, современный читатель, даже будучи исследователем труда рабочих, но не имеющий достаточно знаний об организации труда на советских предприятиях, как раз таки и оказывается в ситуации почти абсолютного аутайдера — и по причине незнания технической стороны работы завода полиграфических машин, и по причине отсутствия включенности в культурные особенности социальной жизни советского цеха. В частности, за это (прямо или косвенно) Алексеева уже критиковали российские социологи: [Рогозин, 2015; Григорьев, 2003].

формата текста неслучаен: по словам Алексеева, он единственно возможный в рамках сформулированной им «драматической социологии»:

«Социологического подхода, где происходит соединение (интеграция?..) практической деятельности, рефлексии и игры (с социальным объектом...), которое в таком случае пытается осуществить социолог (он же — своего рода драматург и постановщик “социологической драмы”; не путать с “социодрамой”...)» [Алексеев, 2012: 350].

По мнению автора:

«[Наиболее] адекватным способом представления результатов исследования в [этом] жанре (...) является именно композиция (...) материалов этого исследования (...), где результаты исследования предстают не готовыми, а развивающимися в процессе их получения» [Алексеев, 2012: 351].

Алексеев утверждал, что его исследовательский подход инновационен, поскольку используемый им метод не «включенное наблюдение», а «наблюдающее участие», которое, в отличие от первого, предполагает непосредственное воздействие исследователя на наблюдаемую им реальность. В действительности метод «включенного наблюдения» как в западной традиции, так и в советской заводской социологии никогда и не предполагал позицию исследователя исключительно в качестве «мухи на стене»: во всех известных случаях этнографического исследования труда исследователь так или иначе воздействовал на окружающую его реальность¹ («максимальная “мимикрия” исследователя в изучаемой социальной среде» [Алексеев, 2012: 348] в принципе невозможна на практике, особенно если учесть, что этнографическое исследование, как правило, длится довольно продолжительное время, порядка десяти-двенадцати месяцев [Smith, 2001: 229]).

Тем не менее то, что осуществил Андрей Алексеев, все же было и остается уникальным для советской социологии. Алпа Шах назвала «включенное наблюдение» революционным методом [Shah, 2017: 47], и в воплощении Андрея Алексева такой подход действительно стал революционным (разумеется, несколько в ином смысле) — «партизанским», поскольку позволил исследовать и запечатлеть неформальную жизнь цеха советского предприятия 1980-х годов, в то время как это было практически невозможно себе представить и тем более получить на это разрешение² [Абрамов, 2014: 57].

¹ Генеалогия метода и дискуссия о методе представлены в: [Seim, 2021]. Подробнее об этнографии труда: [Пинчук, 2021].

² Мой собеседник в рамках моего диссертационного исследования, посвященного организации труда на советском предприятии, Э. А. Зенкевич — начальник Лаборатории социальных исследований ЗИЛа в 1978–1994 годах — рассказал, что в конце 1970-х они предприняли попытку исследовать повседневность цеха методом включенного наблюдения, устроив в цех нескольких сотрудников Лаборатории. Представленные результаты настолько смутили и озаботили дирекцию завода, что впредь Лаборатории запретили использовать данный исследовательский подход. Основными методами, используемыми заводскими социологами и социологами

Включенное наблюдение на службе изучения «реальной» организации производственного труда

В силу того, что как сохранившиеся архивные документы, так и отчеты социологических исследований носят достаточно формальный характер, сегодня у нас практически нет возможности посмотреть на трудовые отношения на советском предприятии через неформальные практики¹. В этой связи серия текстов социолога А. Н. Алексеева представляется чрезвычайно ценным источником для анализа организации труда советских рабочих. Изданные тексты А. Н. Алексеева представляют собой своего рода уникальный и исключительный исторический источник, поскольку они, с одной стороны, основаны на его дневниковых записях, которые писались во время событий и практически не редактировались впоследствии, с другой — включают его собственные аналитические размышления и оценки. Таким образом, полевые дневники с течением времени не становятся мемуарами², а обильно инкорпорируются в изданные тексты, сохраняя события в той текстовой форме, в которой они и были запечатлены.

В силу особенностей советской профессиональной социологии сам проект Алексеева становится своего рода «партизанщиной», результатом которой оказываются не «партизанские» детали, используемые в дальнейшем для отчетов по плановым показателям цеха, а эмпирический материал. Проект, во-первых, раскрывает процесс организации труда «изнутри», обнажая «реальное» положение дел в цехе, без декларативной опоры на «общую социальную теорию», коей в этот период официально был признан истмат [Бикбов, Гавриленко, 2002]; во-вторых, противостоит практикам обезличивания

труда в конце 1970-х начале 1980-х годов, были анкетирование и опросы. Между тем ранее включенное наблюдение все же применялось заводскими социологами. В. Б. Ольшанский даже рассказывает о включенном наблюдении на заводе как о форме инициации в профессию: «Реальной жизни не знаешь. Надеешься тут из трех книжек четвертую сделать и назваться ученым? (...) Начни с начала. Поступи на завод, поработай, осмотришь, поднаберешься ума» [Ольшанский, 1999: 181].

¹ Речь идет не только и не столько о нелегальных практиках и нарушениях, которые разбирались на цеховых собраниях и тем более в судебном порядке, хотя кейс «партизанщины» на «Ленполиграфмаше» рассматривается именно в этом широком контексте. Неформальные практики в данном случае — это некоторые не всегда критичные нарушения формальных правил и норм, регламентирующих процесс и организацию труда рабочих, которые не всегда были заметны «сверху» или «со стороны». О возможных формах и способах неформальных взаимоотношений на производстве см., например: [Ядов, 1999; Алашеев, 1995; Клеман, 2003]. Кроме того, формальными протоколами партийных собраний и тому подобными документами, с которыми сегодня работают историки и социальные исследователи, возможные источники не исчерпываются. О неформальных практиках в процессе труда советских рабочих мы узнаем из писем рабочих в редакции заводских газет, из редких личных дневников, посредством устной истории, то есть через ретроспективные интервью с участниками событий. Однако такого рода источников в количественном и содержательном соотношении куда меньше, нежели официальных документов.

² Об этом говорит и сам А. Н. Алексеев в одном из своих интервью Б. З. Докторову: «Именно документы прошлого, “жизненные свидетельства” и т. п. составляют основной корпус книги такого жанра (а ремарки, иногда и весьма развернутые, — по мере необходимости!). В этом, кстати, принципиальное отличие от мемуаров, где документы присутствуют в лучшем случае в качестве эпизодических цитат» [Алексеев, 2012: 351].

и объективации рабочих, утрирования «сложного и многообразного мира профессиональной культуры», столь распространенным в отчетах и публикациях советских социологов [Абрамов 2014]; в-третьих, представляет собой чистую исследовательскую инициативу, без каких-либо прикладных задач, что было крайне нехарактерно для советской заводской социологии¹ [Горшков, Тощенко, 2018; Соколов, 2011].

Как о важной методологической основе своего исследовательского подхода Андрей Алексеев пишет о моделируемых ситуациях:

«Отчасти организованных самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса» [Алексеев, 2012: 348–349].

Однако создается впечатление, что те решения и действия, которые социолог предпринимал в процессе работы на заводе (например, идея о производстве «партизанских» деталей и воплощение ее в жизнь), были не столько смоделированными им, сколько свойственными ему в принципе. Именно поэтому «партизанщина» на заводе стала возможной, ровно так же, как и сам его проект, который был своеобразной «партизанщиной» в советской академии. Будучи по сути своей нарушением устойчивых норм и правил реализации социологических исследований, проект Алексеева, как и заводская «партизанщина», описанная им в своих текстах, становится «костылем» советской заводской социологии, способом альтернативного исследования советского общества и продуктивной методологической и эмпирической инициативой.

Наладчик и бригада

Координатно-револьверный пресс (ПКР) наладчика Алексеева² размещался в цехе № 3 Ленинградского завода полиграфических машин между станками и верстакими, на которых работала комплексная бригада под руководством Игоря Лозового. Андрей Алексеев поступил на завод в январе 1980 года в качестве наладчика ПКР — пресса, который на тот момент простоял в цехе уже два года и еще ни разу не запускался.

Процесс наладки и запуска пресса длился долго, в частности, как сообщает Алексеев, потому что начальство было не особенно в этом заинтересовано

¹ Стоит оговориться, что свой уход на завод А. Н. Алексеев называл не иначе как «хождение в народ», возможно, он отождествлял себя с «этнографами-народниками», которые в эпоху социальных реформ 1860-х годов проводили «исследования народной жизни», в том числе с целью политической агитации [Ssorin-Chaikov, 2008: 192].

² А. Н. Алексеев в своих текстах и даже в интервью разных лет, которые он давал своим коллегам, нередко называет себя не иначе как «наладчик» и/или «Алексеев» — в третьем лице. Вероятно, это было попыткой дистанцироваться от двойственности своей роли на заводе, акцентировать внимание именно на том, что речь идет о нем как о наладчике, а не как о научном сотруднике. В статье я тоже буду в некоторых местах использовать такое обращение — для художественных целей.

(исследователь объясняет это опасениями по поводу повышения плановых обязательств). Свою первую «программную продукцию» на прессе Алексеев сумел выпустить только в конце ноября 1980 года. Но даже после выпуска первой продукции стало понятно, что плановых заказов для станка все равно нет и не будет в ближайшие месяцы. Тогда Алексеев взял лист бумаги и написал, какие детали можно штамповать на его прессе, отдал лист бригадиру Лозовому. Тот поднял на наладчика глаза: «*Партизанить предлагаешь?*». Лозовой спрятал листок в ящик верстака и как будто забыл про это на полтора месяца [Алексеев, 1997: 231]. Но 14-го января (как раз после того, как наладчик Алексеев «отметил» год работы на заводе) на прессе началась «партизанщина».

По словам Алексеева, станок был уникальным — единственным в своем роде:

«[На нем было] удобно пробивать маленькие отверстия, которые обычно сверлят; или — большие, которые обычно растачивают; можно прорубать пазы, которые обычно штампуют на других прессах; можно, комбинируя удары, вырубать большие окна, которые обычно фрезеруют. "Золотая машина!", по выражению одного из рабочих» [Алексеев, 1997: 233].

Штамповка на прессе наиболее трудоемких для другого оборудования пазов деталей облегчала работу всему цеху — это было быстрее и удобнее. Сначала Алексеев с Лозовым действовали осмотрительно, штамповали всего по несколько пазов за раз, опасаясь быть замеченными:

«Вся эта работа поначалу [не] привлекала внимание мастера участка. (...) По ходу дела понадобилась какая-то новая оснастка. С подачи Лозового ее изготовили, легальным порядком. То есть — администрация не увидела в "партизанщине" какого-либо нарушения. Напротив, мастер перехватил инициативу у бригадира и заказал мне деталь, оказавшуюся записанной уже за [другой] бригадой Филина» [Алексеев, 1997: 234].

Андрей Алексеев не состоял в бригаде, где была сдельная оплата труда, и был «повременщиком», поэтому количество произведенных им деталей на прессе не влияло на его оплату, так что «партизанские» детали «естественным» образом записывались в счет выработки двух действующих в цехе бригад — Лозового или Филина, — как если бы были сделаны не на ПКР [Алексеев, 1997]. Это казалось экономически выгодно для бригад¹, но такая выгода стала еще более ценной, когда Алексеев сумел расширить возможности применения пресса в «партизанской» деятельности:

¹ На момент написания статьи вопрос о конкретных выгодах рабочих от такого перераспределения нагрузки детально не проработан. Однако известно, что, поскольку, рабочие в составе бригады работали по системе сдельной оплаты труда, отштампованные на ПКР и записанные на бригаду детали увеличивали общую выработку бригады, а соответственно, и итоговое вознаграждение.

«Решился отступить от стандартной технологии штамповки на ПКР. И — перевернул шаблон!»¹

Спектр возможного «неформального» применения станка сразу расширился. Благодаря неофициально отштампованным на ПКР деталям закрывались плановые обязательства бригад и цеха.

«Лозовой вошел во вкус партизанщины. Не успевал я скрыться в свой “кабинет”², как он стучался “на прием” (его выражение). Наша “подпольная” деятельность стала в известном смысле рутинной. В установлении очередности всегда отдавалось предпочтение легальным производственным заданиям, но иногда официальному заказу приходилось подождать, пока не будет закончена отработка партизанского. Мастер был одинаково заинтересован в тех и других (в смысле сроков сдачи)» [Алексеев, 1997: 238].

В июле 1981 года, спустя около пяти месяцев действующей «партизанщины», выяснилось, что одна из деталей, отштампованных таким «неофициальным» образом на ПКР, была сделана с ошибкой. Лозовой сообщил об этом Андрею Алексееву, будучи уверенным, что выговор придется именно на бригадира, поскольку деталь эта была записана в счет работы бригады. Но вскоре они с удивлением увидели распоряжение начальника цеха, в котором выговор был адресован самому наладчику Алексееву, хотя его участие в изготовлении детали формально не фиксировалось:

«При штамповке детали “Ф...” наладчик Алексеев не выполнил двух отверстий, на что бригада 001 (бригадир Лозовой) не обратила должного внимания. В результате чего узел “Ф...” пошел на сборку с отклонением, и была поставлена под угрозу срыва программа июля-месяца.

1. Наладчику т/оборудования Алексееву за допущенное отклонение от чертежа детали “Ф...” объявить выговор по цеху.

2. Бригадира Лозового и ст. мастера участка Ерофеева за недостаточный контроль за работой своих подчиненных предупредить.

3. Начальнику ОТК цеха Лукашину указать на недопустимость подобных случаев.

Начальник цеха Коломейчик» [Алексеев, 1997: 96].

Таким образом, пресс, который прежде простоял в цехе без дела, вдруг стал «золотой машиной», а наладчик, выделяющийся из рабочей среды

¹ Технически А. Н. Алексеев объясняет это так: «Для станка существует так называемая “мертвая зона”. Это та часть детали, которая ухватывается пневмозажимами. И пробить отверстие там, понятно, нельзя. В официальной технологии эта проблема решается использованием заготовок с технологическим припуском. Тогда пробивать отверстия можно в любой точке будущей детали. А припуск потом отрезают. Ну, а если заготовка — без припуска (как в нашем случае), то можно попробовать штамповать в два захода. Сначала — все, кроме “мертвой зоны”. А потом, перевернув и шаблон, и деталь, также и то, что раньше попадало в эту зону» [Алексеев, 2003: 234].

² Имеется в виду каптерка, где проводили свободное от работы время рабочие цеха.

кандидатской степенью и совместительством в институте Академии наук СССР, стал не просто частью цехового коллектива, но инициатором и главным исполнителем неформальной практики, которая, с одной стороны, противоречила формальным правилам организации труда и производства, с другой — стала подспорьем, «костылем» в процессе выполнения коллективных плановых обязательств.

«Партизанщина» как «костыль» советского производства

Трудовая дисциплина и мотивация труда рабочих оставались ключевыми темами, обсуждаемыми в рамках организации труда и промышленного производства вплоть до распада Советского Союза [Смоляк, 2012: 313]. На локальном уровне эти темы регулярно поднимались на партийных собраниях производственных подразделений, им уделялось немало внимания в отчетах и приказах дирекции промышленных предприятий, они же нередко становились темами социологических исследований. Очевидно, что такая озабоченность трудовой дисциплиной и мотивацией труда была идеологически мотивированной. В современной историографии организация промышленного производства на советских предприятиях обычно изучается через призму низкой трудовой дисциплины. Исследователи замечают, что в совокупности с достаточно амбициозными пятилетними планами, которые структурировали темпоральную организацию всего советского производства, и критической нехваткой рабочей силы низкая трудовая дисциплина приводила к низким общим показателям выработки, невыполнению планов, а также к неэффективности промышленного производства в целом [Filtzer, 1996: 10–11]. Дисциплина нарушалась посредством прогулов, опозданий, отлыниваний от выполнения своих рабочих обязанностей и т. п., что, с одной стороны, рассматривается как неявный саботаж производственного процесса¹ [Van der Linden, 1995: 290; Соколов, 2009: 104]², а с другой — как инструменты относительного контроля, самоуправления, автономии рабочих на рабочем месте [Пискунов, 2017: 218].

Случай производства «партизанских» деталей, на мой взгляд, встает в один ряд с упомянутыми формами «нарушений» трудовой дисциплины как неформальная практика, поскольку, с одной стороны, это такое же нарушение правил и регламентов организации труда, с другой — инструмент достижения относительной автономии на рабочем месте, с третьей — способ

¹ Например, А. К. Соколов замечает, что «прогулы в наиболее яркой степени отражали реакцию рабочих на установленные порядки при ограниченности коллективных организованных форм противодействия. В более широком смысле прогулы можно рассматривать как форму протеста, основанного на действиях отдельных рабочих, и способ решения ими своих собственных проблем, обходя режимы, установленные на заводах» [Соколов, 2010: 104]. Ранее Д. Филцер сообщал, что «коллективные формы солидарности и сопротивления советских рабочих были подавлены режимом в период первой пятилетки, что привело к эрозии классового сознания, деполитизации и атомизации» [Filtzer, 1996: 10].

² Про такого рода повседневные формы неявного сопротивления подробнее см., например: [Scott, 1989].

достижения личных выгод. Помимо приведенных выше форм «саботажа» трудового и производственного процесса со стороны рабочих, известны также наиболее структурно близкие к «партизанщине» практики — это различные варианты использования заводской инфраструктуры и ресурсов производства для своих целей (например, феномен «несунов» [Смоляк, 2012] или «цеховиков» [Жевакина, 2020]). Несмотря на структурную схожесть, «партизанщина» имеет существенное отличие — рабочие достигали не только личных целей, по сути, управляя своим доходом через производство деталей неформальным образом — эта практика позволяла закрывать «дыры» в коллективных плановых обязательствах. Таким образом, вопреки утверждениям о «разложении режимов трудовой дисциплины» [Соколов, 2009: 109] или формах «бегства от государства»¹ [Травин, 2018] через неформальные практики и нарушения трудовой дисциплины, рассматриваемая неформальная деятельность рабочих «Ленполиграфмаша» была способом поддерживать автономию на своем рабочем месте, избегая формального контроля администрации, «ускользая» от предзаданных ритмов и режимов труда и производства, но одновременно, что не менее важно, работала на их же воспроизводство.

История о «партизанщине», описанная выше, позволяет нам посмотреть на организацию труда на советском предприятии в том числе через призму автономии на рабочем месте. С одной стороны, наладчик Алексеев стремится наладить работу ПКР. Этим он демонстрирует область своей независимости как рабочего, способного влиять на администрацию даже в ситуации, когда последняя не стремится решить вопрос со станком (по словам исследователя, поскольку опасается увеличения плана). С другой стороны, эта история проливает свет и на форму присутствия администрации в процессе организации труда рабочих, которые имеют автономию не только в ходе освоения нового оборудования, но и в управлении своим доходом, и как следствие — плановыми обязательствами: детали, отштампованные на ПКР, неофициально закрывают «дыры» в плановой выработке бригады и цеха. Эпизод с выговором непосредственно наладчику ПКР за бракованную деталь, неофициально отштампованную на прессе, демонстрирует способ присутствия администрации в цехе: рабочие могут организовывать работу так, как им удобно, до тех пор, пока план выполняется и процесс работы не сбивается². Как только происходит сбой в организации труда и производства, администрация пытается

¹ Д. Травин, показывая, как именно при тоталитаризме граждане сопротивляются режиму, рисует с одной стороны понятную, но с другой — очень упрощенную картину производственных отношений на советском предприятии: «Директор с начальником цеха, а тот с простыми рабочими вступали между собой в торг об условиях труда точно так же, как директор с министром. И выяснялось, что можно таскать дефицитные материалы через дыру в заборе, можно уходить в запой на несколько дней, можно трудиться не торопясь и даже специально снижать производительность. Но за это надо было в конце года устраивать штурмовщину или выходить в ночную смену, чтоб выполнить план и не подвести начальство» [Травин, 2018]. URL: <https://www.inliberty.ru/article/escape-ussr> (дата обращения: 16.07.2022).

² Интересно, что сами рабочие в идеологизированном контексте комсомольских собраний цеха артикулируют автономию рабочих на рабочем месте через признание их ответственности за организацию труда: «Рабочие имеют ежедневные задания. Токари не выполняют свои задания, и поэтому часто не бывает работы у фрезеровщиков. Ритмичность производства зависит от рабочих,

включиться в процесс, но не для того, чтобы каким-то образом исправить причины сбоя, а чтобы заявить о своем существовании и продемонстрировать контроль. Таким образом, сам сбой становится поводом к расширению присутствия администрации в цехе.

Иными словами, рабочие успешно поддерживают автономию на рабочем месте, избегая формального контроля администрации, но в то же время они как будто «тяготееют» к нему, выполняя план несмотря ни на что (проявляя изобретательность в работе, они стремятся к тому, чтобы их труд стал более «ритмичным»¹).

Николай Ссорин-Чайков на примере хозяйства эвенков показывает, как устроено такого рода противоречие: *«избегание государства интересным образом сочетается с тяготением к нему, а опасность знаков принадлежности государству — с их престижем»*. Например, в случае Владимира, одного из охотников, «тяготение» к государству проявляется через его нежелание уходить из совхоза, а «избегание» — в ситуации, когда добытый директором совхоза комбикорм в его отсутствие оказывается растроченным, Владимир в числе остальных охотников и оленеводов ««виновато» убегают в тайгу» [Ссорин-Чайков, 2012: 157–158]. В случае «Ленполиграфмаша» рабочие самостоятельно организуют свое рабочее время, выстраивают неформальные практики за пределами обзора администрации, но в то же время как бы и «на виду», и к тому же делают это, чтобы решить рабочие задачи — вовремя производить необходимое количество деталей. Параллельно этому администрация была вовлечена в стандартный процесс корректировки (снижения) плановых обязательств по причине дефицита квалифицированной рабочей силы и проблем в снабжении (и здесь рабочие ощущают себя на одной стороне с администрацией²) [Соколов, 2011: 103] и не стремилась ограничить автономию рабочих на рабочем месте. Перефразировав Николая Ссорина-Чайкова, заводская администрация становится «фоновой декорацией, задним планом социальных практик» цеховых рабочих [Ссорин-Чайков, 2012: 168]; однако же появляется на сцене в тот момент, когда неформальная практика очевидным образом обнажает себя — одна из «партизанских» деталей оказывается бракованной. Сделав выговор Андрею Алексею, администрация легитимирует неформальную практику, оставляя ее, тем не менее, так же в стороне от официальных рабочих задач.

а не от администрации» [ЦГАИПД, Р-196К, оп. 1, д. 152. Протоколы собраний и заседаний бюро организаций цехов № 3, 4; Протокол № 5 от 18 августа 1980, «Ленполиграфмаш»].

¹ Вопреки выводам некоторых исследователей о «пренебрежении к производственным обязанностям» и «нежеланию работать интенсивно и производительно» [Соколов, 2010: 102], Александра Оберлендер приводит немало примеров, как советские рабочие пытались упорядочить свой труд, заполнить рабочее время практиками, которые в конечном счете могли привести их к выполнению своих обязательств в ситуации «неритмичности» и дефицита [Oberländer, 2017].

² Максим Лебский в работе «Рабочий класс СССР. Жизнь в условия промышленного патернализма» утверждает, что «после косыгинской реформы на промышленных предприятиях окончательно оформилась смычка между руководством и рабочим коллективом». Он приводит цитату Ю. Ольсевич и П. Грегори, с которой соглашается, о том, что после реформы администрация и рабочие предприятия мыслили себя как единый трудовой коллектив в противовес «госплану, министерству, другим предприятиям» [Лебский, 2021: 102].

Мы видим, что, вопреки убеждению исследователей, возможность рабочих действовать за пределами поля зрения администрации может быть направлена не только на отлынивание и уклонение от работы, но и на выстраивание новых способов организации труда, направленных в том числе на управление коллективными плановыми обязательствами, а значит, не на саботаж производственного процесса, а на его поддержку.

Заключение

Александра Оберлендер в статье «Легкая работа, изнурительный досуг: переосмысление позднесоветской трудовой этики» предпринимает попытку оспорить устоявшийся как в массовой культуре, так и в историографии тезис о том, что начиная с 1970-х годов трудовая этика советских рабочих стагнировала (что выражалось в ухудшении трудовой дисциплины, текучести кадров, общей лености и т. п.) [Oberländer, 2017: 574]. Исследовательница демонстрирует, что дело не в небрежном отношении к труду, не в нежелании работать, а в том, какие условия труда создавались в рамках советской плановой экономики. Простои и ожидания в первой половине месяца нередко компенсировались интенсивным трудом во второй половине, что, тем не менее, не всегда помогало выполнить план¹. И такой же ритм переносился на год, на пятилетку. Рабочим нередко приходилось ожидать поставки деталей или сырья, тратить большую часть рабочего времени на поиск необходимых для выполнения задания инструментов или документов². Кроме этого, Оберлендер показывает, что советские граждане в принципе много трудились, в том числе за пределами своего рабочего места³: она подтверждает, что они

¹ В документе «О результатах комплексной ревизии производственной и финансово-хозяйственной деятельности Ленинградского завода полиграфических машин» за период с 1 мая 1979 по 1 августа 1980 года, подписанном начальником ВПО «Союзполиграфмаш» Л. И. Боглаевым, кроме прочих «нарушений и недостатков», связанных в основном с невыполнением заводом плана, значится: «Проблема ритмичной работы завода не решена. Более половины удельного веса выпуска товарной продукции падает на III декаду месяца» (ЦГА СПб, Ф. 1140, оп. 4–14, д. 783). Кроме того, на протяжении всего 1980 года директор Ленинградского завода полиграфических машин периодически пишет письма руководству с просьбой уменьшить план по выпуску и реализации той или иной продукции на текущий месяц или квартал. Но в итоге в декабре от директора уходит письмо министру Пуднову И. И.: «С учетом мобилизации коллектива и принимаемых мер завод в целом обеспечит выполнение Государственного плана 1980 года по объемам и реализации» (ЦГА СПб, Ф. 1140, оп. 4–14, д. 790). Создается ощущение, что директор постоянно находится в процессе борьбы и совладания с плановыми обязательствами: то отстает, но нагоняет. В качестве причин отставания часто звучит как дефицит квалифицированной рабочей силы, так и проблемы в снабжении.

² Цит. по: [Oberländer, 2017]: «Согласно обследованиям рабочего времени, проведенным в конце 1970-х гг. в Советском Союзе, 25–30% фактического времени, затраченного на работу, проходило непродуктивно». См. [Патрушев, 1981: 17].

³ В то же время в статье, посвященной истории изучения бюджетов времени в России, В. Д. Патрушев, В. А. Артемов и О. В. Новохацкая сообщают, что в 1970–1980-е «бюджетные обследования позволили выявить тенденции, характерные для предреформенной России: у работающих горожан — существенное уменьшение общей трудовой нагрузки и увеличение свободного времени у женщин, значительное изменение его проведения как мужчинами, так и женщинами — увеличение времени, посвящаемого телевидению при сокращении его на посещение учреждений культуры и отдыха, повышение образования и квалификации» [Патрушев, Артемов, Новохацкая, 2001].

нередко покидали свои рабочие места пораньше, приходили с опозданием или пропускали рабочие дни, но вовсе не обязательно из-за пьянства или лени — они *трудились*, чтобы обеспечить свою жизнедеятельность в других сферах, в том числе в сфере неформальной экономики [Oberländer, 2017: 578].

Таким образом, вряд ли в принципе можно говорить о несоответствующем отношении к труду советских граждан. Более того, проявление инициативы с целью выполнить свои рабочие обязанности было для позднесоветского рабочего в порядке вещей. Поскольку на организацию рабочего времени влияли системные проблемы, такие как сбои в снабжении, износ оборудования, нехватка кадров, рабочие то и дело предпринимали различные действия для того, чтобы предприятие не встало, а продолжало работать¹:

«Инженер, работавший в управлении сельского хозяйства <...>, жаловался, что ему приходится тратить большую часть своего рабочего дня на поиски недостающих запчастей, чтобы поддерживать работу своих машин и тракторов» [Oberländer, 2017: 574].

Приведенная цитата показывает недовольство рабочего «неритмичностью» своего труда, но при этом — и регулярность инициативы, которую рабочий проявляет для поддержания производственных процессов.

Нестандартное для советской социологии исследование Андрея Алексева демонстрирует вовлеченность рабочих цеха в инициативную работу по производству неофициальных дополнительных деталей. Поведение и действия самого социолога в ситуации с неработающим станком (проявление инициативы по запуску станка), а затем в ситуации с отсутствием официальной загрузки станка могут показаться неординарными — но только в той мере, в которой он сам выделялся из рабочей среды, будучи кандидатом наук и совместителем в Академии наук. Советским рабочим не была чужда инициатива на рабочем месте постольку, поскольку необходимо было преодолевать сбои и поломки в организации труда и производства.

Литература

Абрамов Р. Н. «Структурщики» и «заводские социологи»: к истории исследований социально-профессиональных групп в СССР в 1960–1980-е годы // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 50–59. EDN: [STFCKF](#)

Алашеев С. Ю. Неформальные отношения в процессе производства: «взгляд изнутри» // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 12–19.

Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: Институт социологии РАН, 1997. Т. 1.

¹ Александра Оберлендер приводит массу примеров недовольства рабочих, которые жаловались на неритмичность и непродуктивность своего рабочего дня в силу особенностей советской плановой экономики:

«И инженеры, и строители подчеркивали свое желание работать должным образом и критиковали структурные проблемы дефицитной экономики, которые мешали им. В этих случаях работники проводили свое рабочее время на отведенных им рабочих местах, однако обстоятельства не позволяли им работать должным образом и более продуктивно» [Oberländer, 2017: 574].

Алексеев А. Н. Драматическая социология: эксперимент социолога-рабочего. СПб: Норма. 2003. Т. 1.

Алексеев А. Н. «Рыба ищет где глубже, а человек — где не так мелко...» (фрагмент биографического интервью) // Алексеев А. Н., Докторов Б. З. В поисках адресата. СПб: Foster City, 2012. С. 281–312.

Бикбов А., Гавриленко С. Российская социология: автономия под вопросом [Часть 1] // Логос. 2002. № 5–6. С. 186–210. EDN: [TJLSX](#)

Патрушев В. Д., Артемов В. А., Новохацкая О. В. Изучение бюджетов времени в России XX в. // Социологические исследования. 2001. Т. 6. С. 112–120.

Горшков М. К., Тощенко Ж. Т. Основные вехи в развитии отечественной социологии (конец 1950-х — 2010-е годы) // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 3–16. EDN: [XQOMLJ](#)

Григорьев Л. Г. Рецензия: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 2-х т. СПб.: Норма, 2003 // Социологический журнал. 2003. № 2. С. 180–186. EDN: [PZQNXH](#)

Жевакина М. А. Советские цеховики: этика «левых» отношений // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2020. № 5. С. 207–217. EDN: [XMWCSM](#)

Клеман К. Неформальные практики российских рабочих // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 62–72. EDN: [OOOTKN](#)

Лебский М. А. Рабочий класс в СССР: жизнь в условиях промышленного патернализма. М.: Горизонталь, 2021.

Максимова А. С. Анализ полевых дневников в контексте производства этнографических текстов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107). С. 128–140. EDN: [OQMGKB](#)

Ольшанский В. Б. Были мы ранними... // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Под ред. Батыгин Г. С., Ярмолюк С. Ф. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. С. 175–189. EDN: [ZGEKVN](#)

Патрушев В. Д. Основные итоги и задачи исследований бюджетов времени в СССР // Социологические исследования. 1981. № 3.

Пинчук О. В. Как возможно этнографическое исследование труда в России? Демаргинализация этнографии в поле прикладного исследования // Социология власти. 2021. Т. 33. № 3. С. 109–130. EDN: [CBZYRL](#)

Пискунов М. О. Микрополитика позднесоветского завода: общее «Своеволие» и борьба за дисциплину труда (случай Выборгского целлюлозно-бумажного завода 1982–1985 годы) // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 2. С. 217–234. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-217-234>. EDN: [YZBNXX](#)

Рогозин Д. М. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 224–273. EDN: [TRRRBD](#)

Смоляк О. А. Советские несунуны // Отечественные записки. 2012. № 1. С. 311–318. EDN: [QJAVXF](#)

Соколов А. К. Режимность на советских предприятиях // Режимные люди в СССР. 2009. С. 99–127. EDN: [PVFEWH](#)

Соколов М. М. Рынки труда, стратификация и карьеры в советской социологии // Экономическая социология. 2011. Т. 12. № 4. С. 37–72. EDN: [OZFLYP](#)

Сорин-Чайков Н. Гоббс в Сибири: социальная жизнь государства (из книги «Социальная жизнь государства в северной Сибири») // Социология власти. 2012. № 4–5. С. 155–187. EDN: [RCHOLD](#)

Юрчак А. Гетерохрония: застой и бесконечность на границе советской истории // Это было навсегда 68/85. М.: Третьяковская галерея. 2020. С. 94–100.

Ядов В. А. Рецензия на книгу: Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). В 2-х кн. СПб.: СПб. филиал Ин-та социологии РАН, 1997 // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 152–153.

Filtzer D. Labor Discipline, the Use of Work Time, and the Decline of the Soviet System, 1928–1991 // *International Labor and Working-Class History*. 1996. Vol. 50. P. 9–28.

Oberlander A. Cushy Work, Backbreaking Leisure — Late Soviet Work Ethics Reconsidered // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2017. Vol. 18. № 3. P. 569–590.

Scott J. C. Everyday Forms of Resistance // *The Copenhagen Journal of Asian Studies*. 1989. Vol. 4. P. 33–62. DOI: <https://doi.org/10.22439/cjas.v4i1.1765>

Seim J. Participant Observation, Observant Participation, and Hybrid Ethnography // *Sociological Methods & Research*. 2021. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124120986209>

Shah A. Ethnography? Participant Observation, a Potentially Revolutionary Praxis // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2017. Vol. 7. № 1. P. 45–59. DOI: <https://doi.org/10.14318/hau7.1.008>

Smith V. Ethnographies of Work and the Work of Ethnographers // *Handbook of ethnography*. Thousand Oaks, CA: Sage. 2001. P. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781848608337.N15>

Ssorin-Chaikov N. Political Fieldwork, Ethnographic Exile, and State Theory: Peasant Socialism and Anthropology in Late-Nineteenth-Century Russia // *New History of Anthropology* / Ed. by Kuklick. Oxford: Blackwell, 2008. P. 191–206.

Van der Linden M. Keeping Distance: Alf Lüdtké's "Decentred" Labour History // *International Review of Social History*. 1995. Vol. 40. № 2. P. 287–296. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020859000113239>

Yanowitch M. Work in the Soviet Union: Attitudes and Issues. Armonk, New York: M. E. Sharpe, 1984. DOI: <https://doi.org/10.2307/130494>

Сведения об авторе:

Пинчук Ольга Владимировна — аспирантка, департамент истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», научный сотрудник Лаборатории публичной социологии, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** opinchuk@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 408787; **ORCID ID:** 0000-0002-6403-9671; **ResearcherID:** AAZ-1435-2021.

Статья поступила в редакцию: 20.07.2022

Принята к публикации: 09.09.2022

“Partisanship” at the Late Soviet Factory through the Prism of Andrey Alekseev’s Dramatic Sociology

DOI: 10.19181/inter.2022.14.3.4

Olga V. Pinchuk

HSE University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: opinchuk@hse.ru

The article attempts to analyze informal practices at a late Soviet factory through the prism of the factory ethnographic project of the Soviet sociologist Andrei Alekseev, who in the 1980s. worked in the workshop of the Lenpoligraphmash plant. Based on the materials published as a result of the research project, a number of questions are raised: What is remarkable about the experience of the sociologist Andrey Alekseev? How

does participant observation research help to study the organization of labor in a Soviet factory? Is it possible to say that informal practices in the work of workers were aimed only at “escaping” from the control of the factory administration, and autonomy at the workplace served solely to satisfy personal needs? The focus of the article is an informal practice, which the workshop workers called “partisanism” — the informal production of spare parts that are subsequently used not for personal purposes, but for the needs of production. It is argued that, firstly, contrary to the belief of researchers of Soviet labor, the ability of workers to act outside the field of view of the administration can be aimed not only at shirking and avoiding work, but also at building new ways of organizing labor, aimed, among other things, at management of collective planning obligations; secondly, Alekseev’s research project itself became “partisan”, since, on the one hand, it made it possible to explore and capture in detail the informal life of a Soviet enterprise shop in the 1980s, on the other hand, it became an alternative way to study Soviet society, a methodological and empirical initiative, an invention, but at the same time a contribution to the history of Soviet industrial sociology.

Keywords: Soviet labor; ethnography of work; participant observation; Soviet sociology; organization of work; industrial labor; late Soviet period

Gratitude: I would like to express my gratitude to Nikolay Ssorin-Chaikov (NRU HSE), Oleg Zhuravlev (PS Lab), Daria Lupenko (PS Lab), Violetta Alexandrova (PS Lab), Elena Kochetkova (NRU HSE), Tatiana Borisova (NRU HSE), Alexey Boyko (NRU HSE), Evgenia Platonova (NRU HSE), and Anna Komarova for careful reading of the article, valuable advice and comments. Special thanks to Irina Tartakovskaya for the idea of the thematic issue and for the invitation to participate.

References

- Abramov R.N. (2014) “Strukturshchiki” i “zavodskie sociologi”: k istorii issledovaniy social’no-professional’nyh grupp v SSSR v 1960–1980-e gody [“Structuralists” and “Industrial Sociologists”: on the History of Studying Social Professional Groups in the USSR, 1960–1980th]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 10. P. 50–59.
- Alashev S.Y. (1995) Neformal’nye otnosheniya v processe proizvodstva: «vzglyad iznutri» [Informal Relations in the Production Process: “An Inside Look”]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 2. P. 12–19. (In Russ.)
- Alekseev A. N. (1997) *Dramaticheskaya sociologiya: eksperiment sociologa-rabochego* [Dramatic Sociology: the Experiment of Sociologist-Worker]. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)
- Alekseev A. N. (2003) *Dramaticheskaya sociologiya: eksperiment sociologa-rabochego* [Dramatic Sociology: the Experiment of Sociologist-Worker]. St. Petersburg: Norma. (In Russ.)
- Alekseev A. N., Doktorov B. Z. (2010) *V poiskah adresata* [In search of the addressee]. St. Petersburg: Foster City. P. 281–313. (In Russ.)
- Bikbov A., Gavrilenko S. (2002) Rossijskaya sociologiya: avtonomiya pod voprosom (CHast’ 1) [Russian Sociology: Autonomy in Question (Part 1)]. *Logos*. No. 5–6. P. 186–210. (In Russ.)
- Clement C. (2003) Neformal’nye praktiki rossijskih rabochih [Informal Practices by Russian Labor]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 5. P. 62–72. (In Russ.)
- Filtzer D. (1996) Labor Discipline, the Use of Work Time, and the Decline of the Soviet System, 1928–1991. *International Labor and Working-Class History*. Vol. 50. P. 9–28.
- Gorshkov M. K., Toshchenko Z. T. (2018) Osnovnye vekhi v razvitii otechestvennoj sociologii (konec 1950-h — 2010-e gody) [Main Milestones in the Development of Russian Sociology:

late 1950-s — 2010-s]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 6. P. 3–16. (In Russ.)

Grigor'ev L.G. (2003) Recenziya: Alekseev A.N. (2003) Dramaticheskaya sociologiya i sociologicheskaya autorefleksiya: V 2-h t. SPb.: Norma [Review: Alekseev A.N. (2003) Dramatic Sociology and Sociological Self-Reflection: 2 Vol. St. Petersburg: Norma]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No 2. P. 180–186. (In Russ.)

Lebskij M.A. (2021) *Rabochij klass v SSSR: zhizn' v usloviyah promyshlennogo paternalizma* [The Working Class in the USSR: Life in the Conditions of Industrial Paternalism]. Moscow: Gorizontal' publ. (In Russ.)

Maksimova A.S. (2012) Analiz polevyh dnevnikov v kontekste proizvodstva etnograficheskikh tekstov [Analysis of Field Diaries in the Context of the Production of Ethnographic Texts]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1 (107). P. 128–140. (In Russ.)

Oberländer A. (2017) Cushy Work, Backbreaking Leisure-late Soviet Work Ethics Reconsidered. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 18. No. 3. P. 569–590.

Ol'shanskij V.B. (1999) Byli my rannimi... [We were early]. In: Batygin G.S., Yarmolyuk S.F. (eds) *Rossijskaya sociologiya shestidesyatyh godov v vospominaniyah i dokumentah* [Russian Sociology of the Sixties in Memoirs and Documents]. St.Petersburg: The Russian Christian Academy for the Humanities. P. 175–189. (In Russ.)

Patrushev V.D. (1981) Osnovnye itogi i zadachi issledovaniy byudzheto vremeni v SSSR [The Main Results and Objectives of Time Budget Research in the USSR]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 3.

Patrushev V.D., Artemov V.A., Novohackaya O.V. (2001) Izuchenie byudzheto vremeni v Rossii XX v. [The Study of Time Budgets in Russia of the Twentieth Century]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. Vol. 6. P. 112–120. (In Russ.)

Pinchuk O.V. (2021) Kak vozmozhno etnograficheskoe issledovanie truda v Rossii? Demarginalizatsiya etnografii v pole prikladnogo issledovaniya [How is Ethnography of Work Possible in Russia? Demarginalization of Ethnography in the Field of Business Research]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 33. No. 3. P. 109–130. (In Russ.)

Piskunov M.O. (2017) Mikropolitika pozdnesovetskogo zavoda: obshchee «Svoevolie» i bor'ba za disciplinu truda (sluchaj Vyborgskogo cellyulozno-bumazhnogo zavoda 1982–1985 gody) [Micro-politics of the Late Soviet Plant: General "Self-will" and the Struggle for Labor Discipline (the Case of the Vyborg Pulp and Paper Plant 1982–1985)]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [The journal of Social Policy Studies]. Vol. 15. No. 2. P. 217–234. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-217-234>

Rogozin D. (2015) Kak rabotaet avtoetnografiya? [How Autoethnography Works?]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 14. No. 1. P. 224–273. (In Russ.)

Scott J.C. (1989) Everyday forms of resistance. *The Copenhagen journal of Asian studies*. Vol. 4. P. 33–62. DOI: <https://doi.org/10.22439/cjas.v4i1.1765>

Seim J. (2021) Participant Observation, Observant Participation, and Hybrid Ethnography. *Sociological Methods & Research*. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124120986209>

Shah A. (2017) Ethnography? Participant observation, a Potentially Revolutionary Praxis. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. Vol. 7. No. 1. P. 4559. DOI: <https://doi.org/10.14318/hau7.1.008>

Smith V. (2001) Ethnographies of Work and the Work of Ethnographers. *Handbook of ethnography*, Sage. P. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781848608337.N15>

Smolyak O.A. (2012) Sovetskie nesuny [Soviet Pilferers]. *Otechestvennye zapiski* [Patriotic Notes]. No. 1. P. 311–318. (In Russ.)

Sokolov A.K. (2009) Rezhimnost' na sovetskikh predpriyatiyah [Regime at Soviet enterprises]. *Rezhimnye lyudi v SSSR* [Regime People in the USSR]. P. 99–127. (In Russ.)

Sokolov M. M. (2011) Rynki truda, stratifikaciya i kar'ery v sovetskoj sociologii [Labor Markets, Stratification and Careers in Soviet Sociology]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 12. No. 4. P. 37–72. (In Russ.)

Ssorin-Chaikov N. (2012) Gobbs v Sibiri: social'naya zhizn' gosudarstva (iz knigi «Social'naya zhizn' gosudarstva v severnoj Sibiri») [Hobbies in Siberia: on the Social Life of the State (from the book "Social Life of the State in the Northern Siberia")]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 4–5. P. 155–187. (In Russ.)

Ssorin-Chaikov N. (2008) Political Fieldwork, Ethnographic Exile, and State Theory: Peasant Socialism and Anthropology in Late-Nineteenth-Century Russia. *New history of anthropology*. P. 191–207.

Van der Linden M. (1995) Keeping Distance: Alf Lüdtke's "Decentred" Labour History. *International Review of Social History*. Vol. 40. No. 2. P. 287–296. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020859000113239>

Yadov V. A. (1999) Recenziya na knigu: Alekseev A. N. Dramaticheskaya sociologiya: eksperiment sociologa-rabochego [Book Review: Alekseev A. N. Dramatic Sociology: the Experiment of Sociologist-Worker]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 1. P. 152–153. (In Russ.)

Yanowitch M. (1984) Work in the Soviet Union: Attitudes and Issues. Armonk, New York: M. E. Sharpe. DOI: <https://doi.org/10.2307/130494>

Yurchak A. (2020) Geterohroniya: zastoj i beskonechnost' na granice sovetskoj istorii [Heterochrony: Stagnation and Infinity on the border of Soviet History]. In: *Eto bylo navsegda 68/85* [It was Forever 68/85]. Moscow: Tretyakov Gallery. P. 94–100. (In Russ.)

Zhevakina M. A. (2020) Sovetskie cekhoviki: etika «levyh» otnoshenij [Soviet Shopkeepers: Ethics of "Left" Relations]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ. Debates about Politics and Culture]. No. 5. P. 207–217. (In Russ.)

Author bio:

Olga V. Pinchuk — Graduate Student, Department of History, HSE University, Researcher of Public Sociology Laboratory (PS-Lab), St. Petersburg, Russia.

E-mail: opinchuk@hse.ru. **RSCI Author ID:** 408787; **ORCID ID:** 0000-0002-6403-9671; **ResearcherID:** AAZ-1435-2021.

Received: 20.07.22

Accepted: 09.09.2022